

Державний
історико-культурний заповідник м. Острога

ОСТРОЗЬКИЙ НАУКОВИЙ ЗБІРНИК

ЮВІЛЕЙНЕ ВИДАННЯ
ДО 100-РІЧЧЯ ВІДКРИТТЯ МУЗЕЮ
В ОСТРОЗІ
1916 - 11 (24) СЕРПНЯ - 2016

Острог
2016

ББК 63.3 (4 Укр - 4 Рівн)
УДК 908 (477.81)
О-77

Ювілейний науковий збірник до 100-річчя відкриття музею в Острозі:
1916 – 11 (24) серпня – 2016 / Державний історико-культурний заповідник
м. Острога. – Острог, 2016. – 376 с.

До збірника увійшли матеріали Ювілейної наукової конференції, яка
відбулася 3 вересня 2016 року в м. Острозі Рівненської області і була при-
свячена 100-річчю відкриття музею у замку князів Острозьких і 35-річчю
створення Державного історико-культурного заповідника м. Острога.

Редакційна група:

Микола Манько
Марія Данилюк
Світлана Позіховська

Матеріали друкуються згідно з оригіналами авторських текстів
і прийнятою авторами системою посилань на джерела.

У разі передруку посилання на науковий збірник обов'язкове.

Збірник видано на кошти Державного історико-культурного
заповідника м. Острога (директор – С. Кибкало)

Спогади Федора Інтергойза як джерело з історії Голокосту на Острозщині

Свідчення тих, хто пережив одну з найжахливіших трагедій в історії людства – Голокост євреїв, або «Шоа» івритом – залишаються цінним джерелом для дослідників регіональної історії. Відомі спогади Йосифа Галицького [1], Василя Вальдмана [2] про знищення єврейського населення Острога, а також оженинців про переховування євреїв [4].

Під час роботи в архіві меморіального комплексу «Яд Вашем» у Ізраїлі мені вдалося виявити свідчення острожанина Федора Інтергойза, який пережив Катастрофу. У 1994 р. він відвідав Острог, взяв участь у пам'ятних заходах і дав інтерв'ю газеті «Життя і Слово» [6]. Того ж року Федір Інтергойз надіслав у Єрусалим набагато детальнішого листа з описом трагедії острозьких євреїв [9].

Федір Ісаакович народився 28 квітня 1920 р. в Острозі в родині робітників. Напередодні німецько-радянської війни єврейське населення міста складало 9,5 тисяч чоловік [8]. Швидкий наступ німецьких військ, тісні родинні стосунки і сподівання на краще життя завадили втекти чималій кількості молодих євреїв. Під час першої акції масових розстрілів у Красноставі 4 серпня 1941 р. загинув батько Федора Ісаак і його брат Аківа. Серед розстріляних був рабин міста Мордко Гінзбург [7]. Решту єврейського населення переселили у гетто біля великої синагоги, в якому утримувалось близько 3 тис. осіб. «Гетто обнесли дерев'яним і подекуди дротяним парканом. Гетто охороняли поліцаї. Вийти з гетто ми не змогли. Харчування діставали хто як міг. У гетто була своя громада (юденрат) і свої поліцаї-євреї, які водили на роботу. В основному поліцаї-євреї – це були біженці з Польщі. Острозьких поліцаїв-євреїв не пам'ятаю. Головою юденрату була жінка Давидович Кука. Дуже енергійна», – писав Ф. Інтергойц [9].

1 вересня 1941 р. відбулася друга акція знищення євреїв у Кривині. Федору вдалося врятуватися, але загинули його наречена Роза Маріанр і брат Давид Інтергойц. Тим часом єврейські оселі в гетто були пограбовані. Довелося налагоджувати побут з початку. Як стверджує Ф. Інтергойц, третя акція була проведена влітку 1942 р., коли євреїв зігнали на поштарці, відвезли на Нове місто і розстріляли в сосновому лісі. Після цього в гетто залишилося кілька сотень чоловік. У грудні 1942 р. почалася остаточна

ліквідація острозького гетто, під час якого загинула матір Федора Бела Мойсейвна Гройсман. За свідченням Ф. Інтергойца, гетто було знищене після свята Ханука, початок якого припало на 4 грудня 1942 р. Усіх убитих мешканців гетто поховали на єврейському цвинтарі.

За допомогою Авраама Цимермана Федору вдалося переховуватися на хуторі біля с. Хорів. Український селянин Василь, у якого була вагітна дружина, переховував у себе кількох євреїв. Потім він допоміг їм у лісі викопати землянку і передавав продукти. Навесні 1943 р. євреїв викрили, але Ф. Інтергойцу вкотре вдалося утекти.

Наприкінці квітня 1943 р. він зустрів хлопця з острозького гетто – Бориса Ейцлера. Згодом їх затримали радянські партизани з'єднання ім. Одухи. Серед них був командир підривного взводу Олександр Платонович Перепеліцин, який незабаром став комісаром партизанського загону ім. Кармалюка. Пізніше єврейські втікачі знайшли партизан на Півневій горі й приєдналися до руху опору.

Після завершення війни Ф. Інтергойц оселився в Ніжині, а в 1990-х рр. емігрував до Ізраїлю. У 1999 р. він відвідав «Яд Вашем» і залишив 14 свідчень про жертв Голокосту в Острозі. Загалом гітлерівці знищили майже все єврейське населення міста.

Публікуємо текст спогадів Федора Інтергойца зі збереженням особливостей авторського тексту, за винятком незначного коригування пунктуації та орфографії. Авторські підкреслення виділено курсивом. Нерозбірливі слова позначені таким чином: (...)*. Скорочення розкриваються у квадратних дужках.

Воспоминание черных дней 1941–1942 годов фашистской оккупации на Украине. Пребывание мое в гетто гор[ода] Острог Ровенской обл[асти].

Я, Интергойц Федор (Фейвл) Исаакович, 1920 года рождения 28 апреля. Родился в г[ороде] Остроге Ровенской области. Острог – это была территория государства Польша. В 1939 году в сентябре м-це нас освободила Красная армия, и мы жили в составе СССР.

22 июня 1941 года война. Мне был 21 год и я должен был уйти осенью в армию. Мы как раз проходили занятия на площади военкомата, и тут я увидел, что к площади идет мой отец Ицхак. Отец был белый, как мел, и мне сказал, что война. В армию взять меня не успели.

В конце июня¹ 1941 года немцы вступили в гор. Острог. Первые слова, которые мы слышали от них, это было «юден капут». Мне уже 74 года и скоро, наверное, придется уйти в мир в мир иной, и я не хочу, чтобы

¹3 липня 1941 р. гітлерівці окупували Острог.

все мною увиденные издевательства и расстрелы в гор[оде] Остроге еврейского населения ушли со мной, поскольку я считаю, что остался один живой свидетель.

Общая боль уничтоженных шести миллионов евреев немцами и полициями – это известно всему миру. Но есть особая боль, которая не известна никому, кроме случайно оставшихся в живых людей того или иного города. Из таких оставшихся в живых из гор[ода] Острога один я, Інтергойз Федор Исаакович, из гор[ода] Острога Ровенской обл. В течении первых дней июля м-ца 1941 была организована полиция, комендантом которой стал Ткаченко и его заместитель Мевша, инициалы которых я не помню и не знал. Ст[арший] полицай Алтунин Василь, Панцюшка, полицай Сикорский младший и многие другие, которых я не помню ни фамилии, ни имя, но все они были звери.

В первой декаде июля 1941 года² нас всех евреев старых, малых и больных выгнали на центральную улицу нового местечка, где я жил, и пригнали всех евреев из старого города, строили в колонну по четыре человека. Нас окружили немцы, полицайи с собаками. Никто из нас не имел представления куда, и что с нами будет. День был теплый и солнечный. Часов к десяти, нас всех погнали за город, на восток, где был густой сосновый лес. В лесу были выкопаны рвы глубокие и немцы и полицайи начали свое черное дело. Раздевали до белья, ставили 100 человек на край ямы и под свисток стреляли в затылок. Убитые падали в яму.

В этот день было расстреляно примерно более 2000 (двух тысяч) евреев самых здоровых, молодых мужчин гор[ода] Острога. Вещи расстрелянных, одежда были разграблены полициями и местными жителями, которые закапывали жертвы. Меня моя мать прятала, закрывала одеждой мою голову, и я к яме не попал. В этот день был расстрелян мой отец Ицхак и его брат Акива. К концу дня приехал немец на мотоцикле, осмотрел яму и крикнул всем женищинам, мужчинам, детям строится в колонны и уйти по домам. Так я остался живой после первого расстрела. По домам нам долго жить не пришлось. Объявили приказ гебитскомиссара всем евреям перейти в гетто в старый город. Гетто было в р-не большой синагоги, так званное Мариша шул, известного раввина прошло века гор[ода] Острога. Гетто обнесли деревянным и кое-где проволочным забором. Гетто охраняли полицайи. Выйти из гетто мы не смогли. Питание доставали кто как мог. В гетто была своя община (юденрат) и свои полицайи-евреи, которые водили на работу. В основном полицайи-евреи – это были беженцы из Польши. Острожских полицаяев-евреев не помню. Председателем юденрата была женищина Давидович Кука. Очень энергичная. Благодаря ей мы ещё дожили до ноября 1942 года.

²Ймовірно 4 серпня 1941 р.

Но все равно всех расстреляли. Вторая акция расстрела была где-то в августе м-це 1941 г.³ Был приказ всем из гетто евреям явиться на площадь на окраине города ул. Вельбовна во двор мельницы. Многие собрались, а многие не пошли – прятались. Мать и две тётки мои спрятались, а я и моя невеста Роза и брат Давид пошли на площадь. Площадь сразу окружили немцы и полицаи. Когда площадь была заполнена до отказа, подъехали машины, крытые брезентом. Грузили на машины по 50 человек, увезли за город в деревню Кривин и там их расстреляли. Об этом мы узнали от крестьян, которые нам рассказали. Мне удалось спрятаться еще на площади, и я остался опять живой в этот день. Опять расстреляли в этот день более 2-х тысяч с лишним евреев способных рабочих, в этот день погибли моя невеста Роза и брат Давид.

К вечеру был приказ вернуться в гетто. Придя в гетто, мы застали страшную картину. Все квартиры, где мы жили, были разграблены, все вещи наши и кое-какие продукты были унесены. Снова надо жить и снова надо приносить новые муки, чтобы жить, и ждать расстрела. Третья акция была где-то июнь-июль 1942 г. Всех из гетто выгнали на площадь (почтарки), где пасся скот. Мать и мои две тётки спрятались в гетто и не пошли. Мать и тети мои были спрятаны в нашем доме, где мы жили. В то время, что выгнали на почтарку, я и другие евреи работали на станции Оженин на разгрузке вагонов с цементом. Нас человек двенадцать евреев погрузили на машину и привезли на почтарку, где находились все евреи из гетто. Я ходил по почтарке и искал своих, но не нашел, их не было, я понял, что они в схроне. Чудом мне удалось уйти из почтарки, я и пришел домой и спрятался в схроне с матерью и тетями. Людей опять отвезли на новое местечко на окраине города в сосновый лес и там расстреляли. Сколько было расстреляно в третью акцию, не могу сказать, не помню. Так я с мамой и тетями остались в живых после третьей акции. После третьей акции нас осталось в гетто несколько сот человек, которые ждали конца. Каждый день. Жизнь как обычно шла своим чередом, хоть горькая, но жить хотелось, в яму никто не хотел ложиться живым, но и очень было тяжело жить и ждать смерти.

Конец гетто наступил в ноябре м-це 1942 года. Месяц Кислев⁴ по еврейскому календарю, где как раз (...) ⁵ праздник Ханука⁶. Вот мы со слезами на глазах отпраздновали праздник Ханука, и начались расстрелы.

Как видно последнюю акцию проводили в гетто гор[ода] Острога

³1 вересня 1941 р.

⁴Кислев – третій місяць у єврейському цивільному та дев'ятий місяць у релігійному календарі.

⁵Слово нерозбірливе.

⁶Ханука (освячення) – єврейське свято чуда, свято перемоги у війні між святістю і нечистотою. У 1942 р. початок Хануки припав на 4 грудня.

полицайи во главе с комендантом Ткаченко и зам. Мавша и остальными полицейскими зверями гор[ода] Острога. Когда началась стрельба, мать, мои тётки и я были спрятаны в схроне, а на второй день моя одна тётка сошла с ума, начала петь, танцевать и т. д. Нам пришлось выйти из схрона. Рядом с нашим схроном был еще один схрон, где прятались отец с сыном и дочуркой фамилия Цимерман Авраам. Я этот схрон знал и заскочил в их схрон. Полицайи знал меня по работе, крикнул: «Вот стекольник, беги за ним!». Он крикнул другому полицайю. В это время слышу крик моей матери: «Где мой сын?!» и выстрел. Этим выстрелом была убита моя мать. Всех убитых в гетто в гор[оде] Остроге вывезли на подводах на еврейское кладбище и там похоронили, как нам потом рассказывали жители гор[ода] Острога.

Место захоронения остатков жителей евреев из гетто конечно знаю. К большому сожалению, яма стоит заросшая зеленой травой. Никакого памятника нет, и некому его ставить. Из жителей гор[ода] Острога почти никого нет, две или три семьи приехали из эвакуации. Несколько семей есть приезжих учителей.

После разграбления гетто нас осталось, как мы считали себя, 4 человека. Что делать, зима, куда деваться. У меня знакомых из крестьян, проживающих где-то за городом или в селах, не было. У старшего Цимермана Авраама были знакомые в селах украинцы, у которых он покупал скот.

Вот и Аврашка перебирал до кого идти, кто примет нас. Вить за спрятаня евреев тоже крестьянам грозила смерть. И все-таки были люди среди крестьян, которые не боялись смерти и помогли нам евреям, кто как мог. Яркий пример. Выбрал Авраам одного крестьянина украинца, фамилию не помню и не знал, но звать помню. Василь, смотрел он одним глазом, местность тоже не помню, но вроде хутор близ леса на Хоровщине. Постучали мы к нему ночью. Знал его только Авраам. Поговорил с ним, что было тоже чудо, на улице снег и холод и он нас пустил в хату, не смотря ни на что, в хате уже была одна женищина еврейка, мы ее знали.

Жена Василя беременная и Василь говорит: давайте грейтесь, а вы мужики пошли в клуню греться. Зашли в клуню, где лежала обмолоченная солома, до потолка. Василь с нами залез наверх и сделал подкоп к низу, то есть выбрали солому, чтобы можно было залезть в низ. Когда лаз был готов, Василь говорит, залезайте все туда и там будет видно. Василь наш ночью приносил воду и пищу, очень жаль, что я не могу отыскать, очень жаль. Но это благо у Василя не продолжалось долго. Примерно через неделю Василь к нам пришел разволнованный и говорит: «Хлопцы беда, е слухи на хуторе, что Василь прячет евреев. Какие могут быть последствия для меня вы знаете, придется от меня уйти».

Ясно надо уйти, а куда? Снег, холод, зима, а мы все одеты по-летнему. Василь взял (...) ⁷, нам дал две лопаты и пошли в лес искать место, где можно спрятаться. Эта работа проводилась ночью. Отойдя далеко от места, где мы были, сколько километров я не скажу, вглубились в землю как бы в лощине между двумя горками. Нас было четверо и женщина, которая была у Василя. Местность, где мы жили в лесу, называлась Хоровщина. Прожили мы все-таки до весны в этой можно сказать норе. Василь нам помогал продуктами, а водой был снег.

Весной кто-то нас продал. Рано утром, это было в апреле или марте 1943 года, нас окружили, и мы услышали крик: «Жиды, выходите, вы окружены!». Вот сюрприз, надо бежать. Мы все выбежали, кто куда, начали стрелять. Лес, снегу полно, еще было довольно много. Я бежал без оглядки, понимая, что теперь конец. Но все-таки и на этот раз мне удалось уйти от верной смерти. Своих товарищей по землянке я больше не встречал и не знаю, как они выжили или нет. До Василя я больше не ходил. Боялся, чтобы его не разоблачили.

Начал я одинокую жизнь в лесу, борьбу с полицией за жизнь. Голод, холод, ночлеги в сараях, где была солома. Питание доставал, как пришлось, а то по двое, трое суток во рту ничего не было.

К концу апреля 1943 года я встретил мальчика из гетто з[орода] Острога – Ейцер Борис. Он был моложе меня лет на пять, мне было 22 года, а ему 17 лет. Начали мы бродить по лесу, вдвоем стало легче. Все-таки не один. Но там, где мы были днем, ночью нас уже не было, и наоборот. Где мы были ночью, днем нас уже не было. К концу апреля-мая 1943 з[ода]. Нас на рассвете задержали два вооруженных парня. Стой! Руки вверх! Кто такие? Мы ответили, что мы евреи, прячемся от немцев и полицейев. В последствии мы узнали, что эти парни – партизаны соединения им[ени] Одухи. Каменец-подольских лесов.

Просьба нас забрать в отряд была ими нам отказана сразу. Фамилии этих парней знаю только одного – Перепелицин Саша ⁸. Второй был дядя Ваня, так он нам сказал. Он был с большой черной бородой. Они отошли немного от нас, позвали к себе и Перепелица говорит, вот что ребята и снимает военный рюкзак из плеч, и говорит: вот вам мина, ее надо подложить на железной дороге и взорвать эшелон, который будет идти, мы вам подскажем. Железная дорога от места, где мы находились, была близко. Ми с Ейцером пошли выполнить задание. Все было сделано как надо. Но мина не сработала, и эшелон не взорвали, мина оказалась порчена, пришлось забрать ее обратно. Раз мы задание не выполнили, хоть не по нашей вине, но в отряд нас не взяли. Начали мы их просить,

⁷Слово нерозбірливе.

⁸З 1943 р. комісаром партизанського загону ім. Кармалюка призначили командира під-ривного взводу Олександра Платоновича Перепеліцина.

чтобы они нам дали хоть какие-нибудь координаты, где их можно найти, но бесполезно, не дали. Но все-таки на прощание Перепелицин Саша сказал нам. Раз вы с Острога, вы должны знать место Пивняя гора. Ищите, возможно, вы нас встретите. Тропинки к Пивной горе мы нашли и нашли тов[арищ] Перепелицина, и после выполнения опять же задания, а задание было такое.

Сжечь лесопильный завод гор[ода] Острога, который выпускал понтонные мосты на Днепр для переправы немецких воинов. Это задание было выполнено и нас с Ейцером Борисом зачислили в отряд им[ени] Кармелюка, впоследствии переименован в отряд им[ени] Михайлова, Хруцова партизанского соединения им[ени] Одухи. Ейцера Бориса я потерял и не помню, где мы с ним расстались. После победы я его не встречал⁹.

Отдельно надо написать о жизни в гетто еврейского духовенства. Они имели самую трудную и самую тяжелую жизнь против общей жизни всех евреев, живших в гетто. Им приходилось выполнять самые грязные работы по городу. Издевательства над ними от немцев и полицейев не имело человеческого сознания. Какие работы они выполняли невозможно описать. Убирали все нечистоты за гетто в гор[оде] Остроге, подметали своими бородами тротуары и т. д. и т. п. Воспоминания тяжелые об их этих унижениях, не виданные человечеством, очень тяжелое. Но вспоминать надо, чтобы мир весь знал об этом, и чтобы это преступление против человечества больше никогда не повторилось.

Духовенство это были:

- 1) Раввины гор[ода] Острога.
- 2) Ученики иешивы г[орода] Острога.
- 3) Шойхеты (резники) г[орода] Острога.

Все эти дни, которые я писал воспоминания, я старался вспомнить ихние фамилии, но никак не вспомнил. Имя ихние вспомнил, а фамилии только одну. Это казенный рабин при государстве Польши, где он жил в г[ороде] Остроге до 1939 года. Это казенный рабин Гинзбург с семьей. Остальных помню только имя ихние.

Это раби Алтер с семьей
его сын раби Иоел — // —
его сын раби Велвл — // —
раби Фишл — // —
раби Янкл — // —
шойхет раби Арон — // —
шойхет раби Авраам — // —

Все они были расстреляны в 1941-1942 гг. немцами и полициями в боль-

⁹За свідченням Й. Галицького Б. Ейцер загинув одному з боїв [1].

ших муках. Все места захоронения погибших евреев гор[ода] Острога мне известны, кроме одного места – это село Кривин. Не знаю нахождения этого места захоронения, так это к вашим услугам. Я всегда готов показать все места, кому это нужно.

Одно только место, что я не знаю, я уже его упомянул, это село Кривин, где расстреляно более двух тысяч евреев молодых прекрасных парней и девушек, в том числе моя невеста Роза Марианр и мой брат Давид Интергойз 32 года. Их обманом увезли как будто на работу, но это была ложь. Их расстреляли в селе Кривин. Это не далеко от гор[ода] Острога, но это место я не знаю. Надеюсь, что и это место найдем.

Воспоминания писал уроженец гор[ода] Острога Интергойз Федор (Фейвл) Исаакович.

Все написанное мною произошло на моих глазах в течении с июня 1941 по ноябрь 1942 года до окончания существования гетто в г[ороде] Остроге.

Я в Остроге жить не могу. Там, где текла кровь рекой, жить мне не возможно. Живу на Украине.

Мой адрес

Индекс 251200

Украина. Черниговская область, гор. Нежын, ул. Московская № 13г кв. 57.

Интергойз Федор Исаакович

Тел. № 4-4604

Testimony of Fyodor Intergoyz, Yad Vashem Archives, O.33/4022. Автограф.

Література

1. Галицкий Иосиф Бенционович // <http://iremember.ru/memoirs/partizani/galitskiy-iosif-bentsionovich/>
2. Гон М. Голокост на Рівненщині (Документи та матеріали) / М. Гон. – Дніпропетровськ : Центр «Ткума»; Запоріжжя : Прем'єр, 2004. – 120 с.
3. Древецкий С. Ф. И целый мир спасти... / С. Ф. Древецкий. – К. : Астарта, 2003. – 160 с.
4. Журик С. Спогади оженинців про переховування євреїв у роки Великої Вітчизняної війни / С. Журик // Острозький краєзнавчий збірник. – Острог, 2010. – Вип. 4. – С. 180-184.
5. Иванов С. Доля єврейського населення Острога під час німецької окупації 1941–1944 роках / С. Иванов // Історія музеєзнавства, пам'яткоохоронної справи краєзнавства і туризму в Острозі та на Волині. – Острог, 2009. – Вип. 2. – С. 301 – 305.
6. Интергойз Ф. І. І гнів і біль / Ф. І. Интергойз // Життя і слово. – 1994. – 6 серпня.
7. Манько М. Трагедії не забути / М. Манько // Життя і слово. – 1994. – 4 серпня.
8. Острог // <http://www.eleven.co.il/article/13106>
9. Testimony of Fyodor Intergoyz, Yad Vashem Archives (YVA), O.33/4022.